

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Chauvelot, R. En Indochine. Aquarelles de Marius Hubert-Robert. Ouvrage orné de 218 héliogravures. B. Arthaud, Grenoble, 1931, 160 pp.

На эту книгу, собственно, надо было бы написать не одну, а две рецензии, до такой степени в ней не соответствуют друг другу иллюстрации и текст. В отношении внешности книга издана безупречно. Прекрасные акварели известного художника воспроизведены так, что не оставляют желать ничего лучшего и заслуживают специальной рецензии искусствоведа. Кроме этих четырнадцати пейзажей книга щедро украшена фотографическим материалом, который дает возможность составить весьма наглядное представление об изучаемой стране. Эти 218 гелиогравиур иллюстрируют и индокитайский ландшафт и (в меньшей, но достаточной степени) быт города и деревни Индокитая. В этом отношении данная книга очень хорошо дополняет вышедшую незадолго до нее книгу «L'Indochine, ouvrage publié sous la direction de M. Georges Maspero», превышая ее в смысле тщательности издания, и вместе с ней представляет безукоризненный иллюстративный материал к курсам по страноведению французского Индокитая.

К сожалению, не так дело обстоит с текстом, принадлежащим Р. Шовело. Мы могли бы ожидать в этой книге текст не менее серьезный и содержательный, чем иллюстрации, но при чтении досадно поражает то, что это не более чем заметки путешественника-туриста, который хотя и подчеркивает без излишней скромности, что он великолепно знает Индокитай, но знание это оказывается далеко не научным. Автор мог бы быть более последовательным, хотя бы в отношении транскрипции аннамских слов, рассеянных в тексте, неряшливость ко-

торой свидетельствует о том, что язык страны автору не известен, и, как это выясняется из дальнейшего чтения, автору не так-то уж важно знать язык этой страны, ибо из всего текста сквозит нежелание автора поближе соприкоснуться с ее обитателями. В тексте появляются то аннамские носильщики паланкина, которые пользуются сном европейца для отдыха, то аннамский грамотей, который досаждал автору невероятно длинной рацейей — как оказывается — одой в честь . . . автора, которая стоила поэту бессонной ночи. Если таково отношение автора к аннамитам, то оно совершенно противоположно к французской колониальной политике. Изумление, восторг, преклонение — вот те чувства, которые испытывает автор, говоря о ней. Впрочем, это повидному принятый тон во многих французских работах по Индокитаю: в упомянутой книге «L'Indochine» этот тон взят с первых же строк предисловия: «Из всех мест мира, где Франция простерла свое владычество, нет ни одного, где, как в Индокитае, она проявила сияние того колониального гения, который можно констатировать лишь у французов» (цит. соч., т. I, стр. V). На той же точке зрения стоит и наш автор: так, например, в главе IV, посвященной искусству Индокитая, мы сначала читаем о том восхищении, которое пережил автор при созерцании этого искусства, а затем, высказав свое мнение о том, что в Индокитае прикладное искусство стоит на более высокой ступени, чем монументальное, автор рассказывает о рентабельности и об успехах фирмы Техог (Tapis d'Extrême-Orient), торгующей коврами Индокитая, и кончает главу опять-таки похвалой деятельности французов, сумевших наладить это производство, учредивших художественные школы для аннамских мастеров и, с помощью

французских археологов, давших аннамским мастерам неподражаемые образцы древнего аннамского искусства. Не об аннамитах, а о самом авторе мы можем, например, узнать, что он несколько раз пытался охотиться на крупных животных (тигр и слоны), но по тем или иным причинам охоты не состоялись. Кроме того, в 1 главе, громко озаглавленной «*Annam de jadis et d'aujourd'hui*», мы можем видеть восторженный отзыв о личности покойного аннамского императора, о том, какую одежду он предпочитал, чем он интересовался и т. д., и после менее восторженных слов о современном его преемнике — автор нам сообщает о великолепии гробниц аннамских императоров и царей. Об Аннаме же прошлом и современном в этой главе — ни слова. Что же побудило автора написать эту книгу? Ответ на этот вопрос, хотя и в замаскированном виде, мы находим в предисловии, где говорится, между прочим, что Аннам — это ценнейшая жемчужина «в колониальной диадеме Франции». Что же составляет ценность этой жемчужины? Оказывается — каучук, породы деревьев, нужные для постройки аэропланов, полезные ископаемые, рис, чай и т. п. Если сопоставить это место с тем, как автор стремится подчеркнуть рентабельность французских предприятий в богатейшей французской колонии, хотя бы на примере фирмы «Техог», то становится совершенно очевидной основная мысль автора. Косвенно она выражена в концовке предисловия: там автор цитирует слова, которые в 1922 г. высказал лорд Норсклифф, в прошлом — директор «Times» и «Daily Mail», о том, как замечательна эта французская колония, как умело Франция управляет ею и как следует Франции дорожить этой страной, и заключает все предисловие двумя строчками, в ко-

торых весь смысл этой книги: «Нам следовало бы, конечно, вспомнить (эти слова Ю. Щ.) и размышлять о них каждый раз, когда к нам прибывает тенденциозная информация через Кантон или через Москву». Текст этой книги не заслуживает изучения, как материал по страноведению, но вся книга — один из выразительных документов современного строения французского империализма в Индокитае. Под этим углом зрения прочитать ее не бесполезно.

Ю. Щуцкий.

7 XI 1932.

Мао-Дунь. Трилогия: «Разочарование» роман, 1932, Шанхай, изд. «Каймин», 1932 (ц. 45 центов), 134 стр.; «Колебания» роман, 1932 (ц. 70 центов), 238 стр. «В поисках» роман. 1932 (ц. 70 центов), 246 стр. 矛盾。幻滅。動搖。追求。開明書店刊。上海。

Рецензируемая трилогия Мао-Дуня (литературный псевдоним известного китайского писателя Шень Яньбин 沈雁冰) впервые была напечатана в мае 1930 г., и данное издание является четвертым. Этот факт, принимая во внимание вообще малый тираж изданий китайской художественной литературы, следует признать знаменательным, а это, в свою очередь, заставляет внимательно отнестись к книгам Мао-Дуня.

Книги были написаны к 1930 году, но их содержание отражает более ранний период, а именно 1927 год, тот год, когда в Китае происходили события, непосредственно повлиявшие на создание трилогии и выявившие отношение к ним писателя из лагеря мелкой буржуазии.

В этот период временного поражения китайской революции и нарастания новой революционной волны в среде литераторов китайской мелкобуржуазной ин-